

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 343.131
ББК 67.99(2)8

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ И ИТОГОВЫХ ВЫВОДОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Николай Николаевич Ковтун

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде
kovtunnov@mail.ru
ул. Большая Печерская, 25/12, 603600 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Антон Андреевич Зорин

Студент факультета права,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде
kovtunnov@mail.ru
ул. Большая Печерская, 25/12, 603600 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу сути и содержания (пока доктринально и нормативно неопределенного) принципа правовой определенности в контексте анализа соответствующих правовых позиций и итоговых выводов актов Конституционного суда РФ. Авторы обращают внимание на фактическое отождествление нормативного содержания данной фундаментальной идеи с содержанием таких правовых категорий, как правовая стабильность состоявшихся актов суда, их исполнимость, принцип *res judicata*, правило *non bis in idem*, в результате чего сам принцип правовой определенности нередко теряет свое самостоятельное содержание, не проявляет своей нормативной регулирующей сути.

Авторы считают недопустимым подобное положение дел, отмечая, что принцип правовой определенности является неотъемлемым элементом конституционной идеи верховенства права и соответственно требует методологической ясности в уяснении своей сути и содержания.

Ключевые слова: правовая определенность, верховенство права, стабильность окончательного судебного акта, идея *res judicata*, правило *non bis in idem*.

К принципу правовой определенности, который еще совсем недавно был для отечественной юриспруденции своего рода категорией *terra incognita*, сегодня достаточно часто обращаются не только представители (отраслевой) научной доктрины, но и российские суды, активно использующие нормативное содержание этой фундаментальной идеи для обоснования итоговых и промежуточных актов при отправлении правосудия. Не является исключением в этом отношении и Конституционный суд РФ. Вместе с тем комплексный анализ как правовых позиций высшего органа конституционного правосудия, так и итоговых выводов, изложенных в его актах, позволяет обнаружить некоторую неопределенность в интерпретации собственно нормативного содержания исследуемого правового явления. И прежде всего возникают вопросы относительно того, как правовая определенность соотносится с иными, содержательно более определенными в настоящее время идеями, к которым в своих актах достаточно часто обращается Конституционный суд РФ. В частности, с принципами стабильности окончательного судебного акта, идеей формальной определенности закона, с достаточно известными идеями *res judicata* и *non bis in idem*. В связи с этим в рамках данной работы предлагается рассмотреть, каким именно правовым содержанием наделяются указанные категории в актах конституционного правосудия, и на основе этого попытаться установить оптимальное содержательное их соотношение в контексте общего и особенного.

В ряде актов конституционного правосудия принцип правовой определенности рассматривается как общеправовое начало, которое прежде всего «... предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость судебного решения» [13]. На этой основе представляется возможным выделить два основных элемента, с которыми Конституционный суд РФ связывает содержание исследуемой нормативной идеи: стабильность правового регулирования в определенной отрасли правовых отношений; реальная исполнимость судебного акта, вступившего в законную силу.

Для того чтобы разобраться в истинном содержании первого из указанных элементов,

определимся со смысловым значением категорий «правовое регулирование» и «стабильность». Правовое регулирование в юридической литературе, как правило, определяется как воздействие с помощью права на общественные отношения, структурно включающее в себя две основные стадии: создание оптимальных правовых предписаний и их непосредственную реализацию [20, с. 212–213]. В свою очередь термин «стабильность» означает «устойчивость, постоянство, неизменность» [8]. Исходя из вышесказанного можно прийти к следующим основным выводам.

Во-первых, принцип правовой определенности требует, чтобы система действующих правовых предписаний (норм) сохраняла устойчивый характер – как минимум в достаточно обозримый период. Прежде всего это означает, что каждая правовая норма должна быть достаточно определенной, толкуемой практически однозначно. Речь при этом, естественно, идет об определенности именно внешнего выражения правовой нормы, а не ее сущностной природы, поскольку определенность последней непосредственно вытекает из самой природы правовой нормы как равной меры свободы для всех субъектов права [2, с. 4–10]. Определенность правовой нормы должна обеспечиваться определенными требованиями к законодательной технике; в частности, язык закона должен быть ясным, исключать неоднозначность и тем более коллизионность, в процессе правоприменения. К минимуму должна быть сведена также возможность субъективной оценки истинного содержания нормы, допускающей двойственное ее толкование. Именно в этом контексте высшим органом конституционного правосудия в Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П [12] сформулирована правовая позиция, в которой обращалось внимание на необходимость соблюдения в законотворческой деятельности принципа формальной определенности закона, предполагающего точность и ясность законодательных предписаний. Таким образом, формальная определенность закона – суть (неотъемлемый) элемент содержания более общей идеи правовой определенности. Вместе с тем достаточно очевидно и то обстоятельство, что устойчивость системы правовых норм базируется не только на определен-

ности внешнего выражения каждой конкретной нормы, но и на непротиворечивости системных связей между различными правовыми предписаниями. Исходя из этого можно сделать следующий вывод: принцип правовой определенности предполагает также исключение коллизионности в общей системе нормативно-правового регулирования однородных правовых отношений.

Во-вторых, правовая определенность проявляет себя также на уровне правоприменительной практики, где является гарантом стабильности индивидуальных правоприменительных актов, прежде всего итоговых судебных решений. Не случайно в целом ряде актов конституционного правосудия отмечается, что принцип правовой определенности предполагает также *стабильность* судебных решений, вступивших в законную силу [15]. Именно на этой основе Конституционным судом РФ был содержательно сформулирован принцип стабильности судебного акта [15]. Последний, в том числе, предполагает, что основное бремя пересмотра постановленных судебных решений должно ложиться на ординарные судебные инстанции [16], а закрепление в законе экстраординарных способов обжалования и (потенциально) проверки требует [13; 16]:

– установления специальной процедуры открытия соответствующего (исключительного по сути) производства, которое не может быть полностью реализовано в силу одного лишь обращения заинтересованных лиц (настаивающих на реализации дополнительных элементов судебной защиты в частном своем интересе);

– нормативного закрепления ограниченного перечня юридических оснований для отмены/изменения вступивших в законную силу актов суда, которые не могут содержательно и по сути совпадать с основаниями отмены/изменения судебных решений в ординарном порядке судебного пересмотра (апелляция);

– установления жестких (строго пресекаемых по сути) сроков, в течение которых возможна проверка (не пересмотр!) вступивших в законную силу судебных решений как потенциальная основа их изменения или отмены;

– устранения возможности неоднократной проверки таких актов в исключительном

процессуальном порядке посредством нормативного закрепления последовательно сменяющих друг друга экстраординарных судебных инстанций и процедур (кассационное и надзорное производство в уголовном судопроизводстве России).

Несмотря на то что принцип стабильности судебных решений, вступивших в законную силу, в системе правовых позиций Конституционного Суда РФ получил отдельную интерпретацию, полагаем, его необходимо также рассматривать как составляющую содержания (элемент) более общего принципа правовой определенности. Тем более что именно в последнем, как неоднократно указывал национальный орган конституционного правосудия, заложена его реальная основа [3].

Другим аспектом, с которым Конституционный суд РФ традиционно связывает действие принципа правовой определенности, является *исполнимость* судебного решения. В юридической литературе исполнимость судебного акта рассматривается как одно из свойств вступившего в законную силу судебного решения, предполагающее, во-первых, обязанность сторон и должностных лиц или органов государства подчиниться нормам права, примененным судом в окончательном решении [19, с. 354]. Во-вторых, актуальна потенциальная обеспеченность указанной исполнимости реальным государственным принуждением. Таким образом, в этом контексте идея правовой определенности является гарантом того, что окончательное судебное решение будет исполнено, даже в случае отказа сторон спора или иных участников спорного материального правоотношения поступать в соответствии с ним.

Обобщая вышесказанное, полагаем, можно считать, что в свете правовых позиций и итоговых выводов Конституционного суда РФ принцип правовой определенности предполагает следующее:

– правовые предписания (нормы) должны быть точными и ясными (элемент принципа формальной определенности закона);

– в системе нормативно-правового регулирования однородных правовых отношений должна исключаться коллизионность действующих правовых предписаний и практики их применения;

– институциональные механизмы пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, должны обеспечивать его устойчивость; по идее, непроверяемость (элемент принципа стабильности судебного акта);

– окончательное судебное решение должно быть реально исполнено.

Теперь рассмотрим соотношение принципов правовой определенности и *non bis in idem*. Для этого определимся со смысловым значением последней из указанных категорий. Анализ литературных источников, а также судебной практики показывает, что правило *non bis in idem* имеет достаточно сложное нормативное содержание, в котором, на наш взгляд, условно можно выделить две составляющие: материальную и процессуальную.

В материальном аспекте правило *non bis in idem* предполагает, в частности, запрет квалификации одного преступного события сразу по нескольким статьям уголовного закона, когда содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная либо как часть и целое. Аналогично действует также запрет двойного учета одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности судом.

В свою очередь в уголовно-процессуальном контексте идея *non bis in idem*, к примеру, предполагает запрет повторного осуществления уголовного преследования лица за преступление, за которое это лицо уже было окончательно осуждено или оправдано. В этом плане правило *non bis in idem* призвано гарантировать лицу, в отношении которого имеется окончательный приговор суда (иное окончательное решение), неизменность его правового положения (стабильность окончательно определенного статуса) [14]. К сожалению, суть данной фундаментальной константы практически нивелируется практикой судов общей юрисдикции. Примеров тому масса, в том числе с итоговыми суждениями, согласно которым «...неотменное постановление следователя о прекращении уголовного преследования в связи с отсутствием состава преступления никак не препятствует дальнейшему уголовному преследованию и осуждению виновного по тем же самым фактам» [5, с. 11].

Во-вторых, средством достижения указанной цели является запрет произвольного пересмотра окончательного акта суда [14]. О продуктивности и реальности этой идеи в системе действующих уголовно-процессуальных норм, на наш взгляд, говорить вообще не приходится. Прежде всего ввиду беспрецедентной, по сути, и исключительно российской возможности двукратной кассационной проверки окончательного акта суда в различных кассационных инстанциях и столь же неограниченной возможности его пересмотра в Президиуме Верховного суда РФ (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ); при этом, естественно, в контексте обеспечения искомой публичной законности. Во-вторых, фактически по причине состоявшегося отказа законодателя от пресекательных сроков к возможности экстраординарной кассационной и (или) надзорной проверки [21].

В-третьих, ввиду полной теоретической и судебно-практической неопределенности в сущностном и нормативном отличии существенных апелляционных и кассационных/надзорных оснований к отмене, изменению состоявшихся актов суда, а равно в отличии оснований «существенных» и «фундаментальных» по сути.

Исходя из указанного можно прийти к исключительно доктринальному (но никак не фактическому) выводу: правило *non bis in idem* в процессуальном плане отчасти совпадает с принципом стабильности судебного акта, вступившего в законную силу, а потому также является содержательным элементом принципа правовой определенности.

Последнее, что хотелось бы рассмотреть в рамках данной работы, это соотношение в свете правовых позиций и итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия принципов правовой определенности и правила *res judicata*. Для этого обратимся к анализу содержания последнего.

Стоит заметить, что относительно содержания категории *res judicata* исчерпывающая определенность в правовой доктрине отсутствует. Так, в научной литературе данный термин используется одновременно как принцип недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела [7, с. 41–43]; как категория, характеризующая стабильность судебных решений, вступивших в законную

силу; как неопровержимость судебного решения; принцип правовой определенности [1, с. 64–68; 4, с. 44–45]. Неоднозначную трактовку получила исследуемая категория и в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного суда РФ. Она понимается, в частности, как:

– общеобязательность решения суда, вступившего в законную силу суда (Определение КС РФ от 29.05.2012 № 1033-О [11]);

– неопровержимость судебного решения, вступившего в законную силу (Определение КС РФ от 19.03.2010 № 7-П [16]);

– обязательность исполнения окончательных судебных решений (Постановление КС РФ от 21.12.2011 № 30-П [17]);

– стабильность и окончательность судебных решений и сложившихся на их основе правоотношений, а равно правового статуса лиц, ими установленного (Определение КС РФ от 08.12.2011 № 1616-О-О [10]);

– принцип правовой определенности (Постановление КС РФ от 04.04.2006 № 113-О [9]).

Таким образом, если в одном случае содержание идеи *res judicata* раскрывается Конституционным судом РФ через правовые последствия вступления решения в законную силу, приобретенные им свойства общеобязательности, неопровержимости, исполнимости, то в другом приравнивается к принципам стабильности и окончательности судебных актов, вступивших в законную силу, к принципу правовой определенности. Такое положение говорит о том, что высший орган конституционного правосудия либо не претендует на методологическую точность в раскрытии содержания категории *res judicata*, либо (пока) не имеет достаточно четкого представления о точном содержании последней идеи. Во всяком случае на основе анализа правовых позиций Конституционного суда РФ однозначно установить соотношение *res judicata* и принципа правовой определенности (пока) не представляется возможным.

Вместе с тем в переводе с латинского словосочетание *res judicata* означает «разрешенное дело» [6]. Таким образом, еще римские юристы понимали под *res judicata*, что дело разрешено по существу и имеется вступивший в силу окончательный акт, которым устранена спорность или иная неопределен-

ность правоотношения, пересмотр которого недопустим [18].

Исходя из этого было бы логичным рассматривать категорию *res judicata* как тождественную категории законной силы судебного решения, которая как раз и означает окончательность судебного решения, признание со стороны государства, что спор окончательно разрешен в правосудных процедурах, статусы установлены. В свою очередь принцип правовой определенности, который, как отмечалось ранее, среди прочего требует создания оптимальных механизмов пересмотра судебных решений, является гарантом устойчивости актов суда, вступивших в законную силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берестенев, Ю. Ю. Практика Европейского суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi?* / Ю. Ю. Берестенев, М. В. Виноградов // Российская юстиция. – 2006. – № 11. – С. 64–68.

2. Бондарь, Н. С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 11. – С. 4–10.

3. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З. Д. Еникеев, Е. Г. Васильева, Р. М. Шагеева, Е. В. Ежова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2014. – 703 с.

4. Давыдов, В. А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения / В. А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2012. – № 11. – С. 44–50.

5. Дайджест практики Верховного Суда РФ по уголовным делам // Уголовный процесс. – 2015. – № 5. – С. 11.

6. Мельничук, А. А. Латинский язык для юристов / А. А. Мельничук, А. А. Меликян. – М. : Юнити-Дана, 2010. – 271 с.

7. Миннегалиева, Л. Взгляд Европейского суда по правам человека на надзорное производство в России / Л. Миннегалиева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 2. – С. 41–43.

8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1994. – 902 с.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 113-О // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 27. – Ст. 2971.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 1033-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Российская газета. – 2007. – 14 февр.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 22. – Ст. 2194.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 5123.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1734.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 2. – Ст. 398.

18. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России / В. Д. Потапов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 376 с.

19. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 696 с.

20. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристь, 2003. – 592 с.

21. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ // Российская газета. – 2015. – 12 янв.

REFERENCES

1. Berestenev Yu. Yu., Vinogradov M.V. *Praktika Evropeyskogo suda po pravam cheloveka: printsip pravovoy opredelennosti ili quod licet jovi, non licet bovi?* [The Practice of the European Court on Human Rights: the Principle of Legal Certainty or Quod Licet Jovi, Non Licet Bovi?]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2006, no. 11, pp. 64-68.

2. Bondar N.S. *Pravovaya opredelennost - universalnyy printsip konstitutsionnogo normokontrolya* [Legal Certainty is a Universal Principle of Constitutional Compliance Assessments]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2011, no. 11, pp. 4-10.

3. Enikeev Z.D., Vasilyeva E.G., Shageeva R.M., Ezhova E.V. *Voprosy ugovolnogo sudoproizvodstva v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [The Issues of Criminal Justice in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 703 p.

4. Davydov V.A. *Peresmotr sudebnykh resheniy po ugovolnym delam: o nekotorykh zakonodatelnykh novellakh nakanune ikh primeneniya* [The Review of Judicial Decisions in Criminal Cases: Some of the Legislative Innovations on the Eve of Their Application]. *Ugovolnyy protsess*, 2012, no. 11, pp. 44-50.

5. Daydzhest praktiki Verkhovnogo Suda RF po ugovolnym delam [The Digest of the Practice of the Supreme Court in Criminal Cases]. *Ugovolnyy protsess*, 2015, no. 5, p. 11.

6. Melnichuk A.A., Melikyan A.A. *Latinskiy yazyk dlya yuristov* [The Latin Language for Lawyers]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2010. 271 p.

7. Minnegalieva L. *Vzglyad Evropeyskogo suda po pravam cheloveka na nadzornoe proizvodstvo v Rossii* [The Viewpoint of the European Court on Human Rights on the Supervisory Procedure in Russia]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 2009, no. 2, pp. 41-43.

8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, AZ Publ., 1994. 902 p.

9. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 4 aprelya 2006 № 113-O* [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation of April 4, 2006 no. 113-O]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2006, no. 27, art. 2971.

10. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 8 dekabrya 2011 № 1616-O-O* [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2011 no. 1616-O]. Access from reference legal system “KonsultantPlyus”.

11. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29 maya 2012 № 1033-O* [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation on May 29, 2012 no. 1033-O]. Access from reference legal system “KonsultantPlyus”.

12. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 maya 2008 № 8-P* [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2008 no. 8-P]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2008, no. 24, art. 2892.

13. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 5 fevralya 2007 № 2-P* [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation of February 14, 2007 no. 2-P]. *Rossiyskaya gazeta*, 2007, Febr. 14.

14. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 maya 2005 № 5-P* [The Decree of Constitutional Court

of the Russian Federation of May 11, 2005 no. 5-P]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2005, no. 22, art. 2194.

15. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 noyabrya 2005 № 11-P [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation of November 17, 2005 no. 11-P]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2005, no. 48, art. 5123.

16. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19 marta 2010 № 7-P [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2010 no. 7-P]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2010, no. 14, art. 1734.

17. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2011 № 30-P [The Decree of Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2011 no. 30-P]. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2012, no. 2, art. 398.

18. Potapov V.D. *Osnovnye nachala proverki sudebnykh resheniy v kontrolno-proverochnykh stadiyakh i proizvodstvakh ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii* [The Basic Principles of Court

Decisions Control in the Verification Stages and Productions of the Russian Criminal Process]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 376 p.

19. Sakhnova T.V. *Kurs grazhdanskogo protsesssa: teoreticheskie nachala i osnovnye instituty* [Civil Procedure Discipline: Theoretical Beginning and Basic Institutions]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 696 p.

20. Babaev V.K., ed. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Yurist Publ., 2003. 592 p.

21. Federalnyy zakon "O vnesenii izmeneniy v statyi 401.2 i 412.2 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdelnykh zakonodatelnykh aktov Rossiyskoy Federatsii" ot 31 dekabrya 2014 № 518-FZ [The Federal Law "On Amending Articles 401.2 and 412.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Annulment of Certain Legislative Acts of the Russian Federation" of December 31, 2014 no. 518-FL]. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, Jan. 12.

THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY IN THE SYSTEM OF LEGAL POSITIONS AND CONCLUSIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nikolay Nikolaevich Kovtun

Doctor of Juridical Science, Professor,
Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
"Higher School of Economics" National Research University
(Nizhniy Novgorod Branch)
Bolshaya Pecherskaya St., 25/12, 603600 Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Anton Andreevich Zorin

Student, Faculty of Law,
"Higher School of Economics" National Research University
(Nizhniy Novgorod Branch)
Bolshaya Pecherskaya St., 25/12, 603600 Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to examining the core and content (yet not determined in doctrinal and normative interpretation) of legal certainty principle in the context of analyzing correlated legal positions and summarized conclusions formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation. The authors draw attention to the fact that this principle is often confused with other legal categories such as *res judicata* principle, *non bis in idem* regulation, and legal stability of final court decisions. Because of this it loses its own content and does not implement its normative regulatory function.

The authors consider it to be inadmissible noticing that legal certainty principle being an essential element of the constitutional idea of the supremacy of law requires the methodological clarity in its definition.

Key words: legal certainty, supremacy of law, stability of final court decision, *res judicata* principle, *non bis in idem* regulation.